

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой родители Алла женятся,
а сама она поплясывает на свет
и тут же попадает
на операционный стол*

Пугачева иногда рассказывает, что самое первое в ее жизни воспоминание — это ослепительный свет. И поясняет: видимо, это был свет в операционной, куда ее сразу отправили после рождения.

Не станем сейчас устанавливать правдивость мемуара и консультироваться с ироничными специалистами по нейрофизиологии. Пусть и ослепительный, миф этот далеко не самый яркий из тех, которые за свою жизнь сочинила о себе Алла Борисовна. Впрочем, операционный стол действительно был тогда, 15 апреля 1949 года. Врачи обнаружили у новорожденной небольшую опухоль на горле. Опухоль удалили без осложнений, однако родителям пришлось сильно понервничать.

В предыдущем году Борис Михайлович и Зинаида Архиповна похоронили своего первенца Гену, который младенцем умер от дифтерии. Поэтому второго ребенка ждали с мучительной надеждой и страхом. Зинаида Архиповна, убежденная коммунистка, тайком ходила вечерами в церковь и, как умела, молилась.

Однако родиться с «бракованным» горлом, которое спустя годы будет покрывать торжествующим меццо-сопрано полмира, — что это, если не такая штука, произведенная Мойрами над беспомощным пока существом?

Но — к черту мистику!

Пока двухэтажный дом в Зонточном переулке радуется девчонке. Лучше бы, конечно, пацана, сейчас-то после войны мужлики очень нужны. Но и эта жизнь нового советского человека тоже в радость.

* * *

Борис Михайлович Пугачев и Зинаида Архиповна Одегова познакомились в Москве, после войны. Ему было немногим меньше тридцати, она — на четыре года моложе. Оба воевали.

10

Борис Михайлович на фронте оказался в разведке и потому всегда с удовольствием рассказывал самые удивительные истории, что с ним приключались. За это балагурство жена, поспеиваясь, называла его «Басилием Теркинским».

На войне Пугачев потерял правый глаз: во время уличного боя пуля попала в стену рядом, сколов кусок кирпичика, который отлетел в голову разведчика. «Хорошо, что камешек, а не сама пуля», — шутил Борис Михайлович.

После войны, будучи уже крупным хозяйственным работником, он любил играть в народном театре. Те, кто хорошо знал Пугачева, уверяют, что именно от него Алла унаследовала естественное озорство и неуемный артистизм.

Зинаида Одегова пошла на фронт с Урала. Она была родом из города Березники Пермской области, где и закончила педагогический техникум. (В Березниках, кстати, до сих пор живет обширная родня Аллы Борисовны — рабочие, шахтеры. Из тех же мест родом Борис Ельцин, так что вполне бунтарская у города аура.) Двадцатилетняя Зина стала бойцом противовоздушной обороны. Кроме того, за хороший голос ее взяли в концертную бригаду, которая в грузовичке разъезжала по батальонам, дивизионам, полкам и, как тогда говорили, «поднимала боевой дух Красной армии». У нее не было никакого музыкального образования, но это в тот момент не имело значения.

Кстати, в архиве общества «Мемориал» значится некий Архип Одегов, сельский счетовод, которого арестовали в 1937 году. Вполне возможно, это пугачевский дед, которого она не знала. Этому Одегову повезло: в 1939-м его уже выпустили. Еще интересный факт — фамилия Одегов широко распространена в Вятском крае.

Известная украинская актриса Маргарита Криницкая приходится Пугачевой родственницей как раз по линии Одеговых. Криницкая сыграла Проню Прокоповну в фильме «За двумя зайцами» 1961 года. Забавно, что эту же роль Пугачева возьмет себе в новомодном бенефицирном мюзикле в 2003 году.

Выйдя в 1947-м замуж за Пугачева, Зинаида Архиповна поселилась у него в комнатке на Качновке — старом московском районе неподалеку от станции метро «Аэропорт». Там у них и родился Геня, которого крестили в церкви Всех Святых, что у станции метро «Сокол».

Факт крестин в семье коммунистов заслуживает отдельного комментария. Храм заново открыли всего лишь за год до этого: то был период, когда сталинское руководство проявило прагматичное послабление в отношении Русской православной церкви. Ближе к концу войны вдруг сообразили, что вера может послужить мобилизующим фактором не хуже криков

11

«За Сталина». Священникам, которых незадолго до этого сотнями отправляли на Колыму, вдруг разрешили служить. Церковная «оттепель» продолжалась и после войны, так что крестины младенца не приветствовались, но и не карались. А простая русская женщина Зинаида Архиповна была уверена, что крестить ребенка надо обязательно — как же иначе?

Там же, на маленьком погосте около Всех Святых, Гена и был похоронен. А вскоре Пугачевым дали жилье у Крестьянской Заставы — Крестьянки, как называли ее жители. Они поселились на втором этаже двухэтажного деревянного дома в Зонточном переулке. Тот начинался от знаменитого «сотого» универмага и быстро заканчивался у Первого часового завода. Дом 14, где обитали Пугачевы, ничем не выделялся среди других таких же домов этого ветхого района. Вокруг громоздились склады магазина, гаражи, неизменные голубятни. Дворы были огорожены деревянными заборами, из одного дворика в другой понаехали через калитки.

В начале семидесятых Зонточный переулок и его окрестности на чисто снесли — вдоль Волгоградского проспекта начали возводить новые огромные дома. В одном из них ныне размещается казино «Кристалл». Разглядеть сквозь этот «аматический кристалл» легендарную рабочую Крестьянку ныне совершенно невозможно. Теперь от пугачевских времен здесь остается лишь здание универмага, который, впрочем, тоже давно превращен в супермаркет.

Пугачевы удостоились неслыханной роскоши — двухкомнатной квартиры, крошечной, но отдельной. Это благо заслужил Борис Михайлович, который тогда уже был мелким хозяйственным работником, ну и членом партии, разумеется. В квартире не хватало лишь ванны, но коммунальный быт эпохи и не предполагал такой роскоши. Оперативные омовения совершались в большом тазу на кухне, а полноценно очищались по выходным дням неподалеку — в Воронцовских банях. Бани, кстати, сохранились, хотя и сильно перестроены.

Супруги представляли собой почти что идеальную пару. Зинаида Архиповна была большой модницей по тем временам и хорошо шила — ее машинка «Зингер» часто стрекотала по вечерам. А Борис Михайлович, как только выдавался свободный день, мчался на рыбалку. Он возвращался с лещами или плотвичкой и радостно провозглашал с порога: «Сейчас мы эту рыбешку уконтропим!» У него было два любимых слова — это самое «уконтропить» и еще одно, заточное, — «альяфулом». Борис Михайлович говорил: «все будет аляфулом», что означало — все будет хорошо, классно, клево. Происхождение этого слова так и осталось для родственников неясным.

Зарплата Бориса Михайловича вполне хватало на то, чтобы жена не задумывалась о работе и была просто домохозяйкой. В то время редкая женщина могла себе такое позволить. Много позже, в интервью 1975 года, Пугачева скажет:

«Если бы не война, я родилась бы в артистической семье. Моя мама была певицей, но потеряла голос на фронте, а отец мечтал стать артистом оригинального жанра, однако был ранен, лишился глаза... И я родилась уже в семье инженеров...»

Легенду про родителей-инженеров она повторит еще не раз. Объяснение видится простое: папа-снабженец и мама-домохозяйка не окрайны. А сказать «инженер» — это все равно, что ничего не сказать. «Инженер» в советской мифологии был понятием универсальным и бессмысленным одновременно.

* * *

Через год после Аллы у Пугачевых появился второй ребенок. Жена Пугачев родилась 7 апреля 1950 года. Борис Михайлович смеялся, что дети «обложили» отца с обеих сторон, поскольку его собственный день рождения приходился на 12 апреля.

Жену тоже крестили. При этом все детство ни Алла, ни ее брат Натальных крестиков не носили, это уже было ненужным фрондерством — они хранились у мамы в сокровенной шкафулке.

Тут автор не без гордости должен заметить, что он стал первым журналистом, который раскрыл «тайну» пугачевского брата. Это было в 1997 году, когда делалась предыдущая книга.

Кто-то из старых друзей Пугачевой в разговоре вскользь упомянул о брате. Какой такой брат? Как какой — Женя! На языке таблоидов такое открытие называется просто — сенсация. Собственно, именно так и написали на обложке кармелного таблоида, где автор тогда работал.

А Евгений Борисович принял у себя дома очень тепло, с холодной водкой. Закуска была щедрой и простой — как и положено военному и холостяку с двумя сыновьями.

...В 1968 году Жени Пугачев поступил в Горьковское Высшее военно-командное училище связи. Дело в том, что он давно был неравнодушен к радиотехнике, хотя мама с четвертого класса определила его в английскую спецшколу. Но иностранный язык не сыграл решающей роли в жизни сына, на что уповала Зинаида Архиповна.

Из Горького Жени привез не только лейтенантские погоны, но и молодую жену. У них вскоре родился сын Артем.

Офицерская карьера Пугачева складывалась удачно — он оказался в Центральном аппарате Министерства обороны.

«Но бывает же злой рок, — вспоминал он. — Однажды я попал в дурацкую историю. Я тогда работал в районе станции Тарасовка. В один из выходных дней я вывозил семью командного состава на Пироговское водохранилище. Уже при подъезде к нему у меня сломалась машина. До водохранилища было близко, и все пошли пешком, а я остался ремонтировать машину. Скоро я понял, что нужна помощь, и не глядя торкнул черную «Волгу». На этой «Волге» я доехал до станции и там вызвал подмогу.

И тут приезжает к нам особист. «Ну, расскажите, как все было». Рассказываю. «А о чем говорили в «Волге»? Оказалось, что в ней сидел военный атташе посольства США, матерый разведчик, которого вскоре выслали. Дело в том, что в Тарасовке находились дачи американского посольства.»

Так после Москвы как «пособник шпиона» я сразу попал на Семипалатинский полигон. (Все, конечно, понимали, что встреча с этим злополучным атташе была чистой случайностью, но были обязаны как-то меня наказать.) Я провел там семь лет. Ближайший населенный пункт от нашего ядерного полигона — казахская деревня — находился в десяти километрах, воду мы брали из маленького артезианского колодца. Попасть иногда в сам Семипалатинск для нас было большой радостью. По выходным нас развлекали фильмами — такими как «Чапаев» или «Коммунист».

Там меня научили пить — по-настоящему. При чем, как бы ты ни напился, наутро был обязан явиться на службу — и чтоб никто из начальства ничего не заподозрил. Они, конечно, обо всем знали — все ведь рядом, в одной части, — но просто доверяли нам. Иначе там невозможно. Да и потом, это не Москва, где каждый мечтает занять место другого — потешнее. Вряд ли кому-то было нужно меня «поддерживать» в Семипалатинске. Там совсем другие отношения.

Алла, естественно, пыталась помочь Жекеше, как она называла брата, пыталась выволочь его из казахских степей. Просила об этом своих приятелей-военных. Но что могла сделать эстрадная звезда, даже любимая генералами? Определенный срок Пугачев все равно должен был пробыть в ссылке. Более того, однажды его вызвали в Особый отдел и достаточного строго попросили не афишировать, кто его родная сестра. «Думаю, — предположил Евгений Борисович, — что и с ней провели беседу на эту же тему».

Из сослуживцев мало кто знал о родстве Евгения Пугачева с первой звездой нашей эстрады. В анкетах, где требовалось

указывать родственников, он писал — «сестра, солистка Московского Концерта». Ну, мало ли там солисток... А Пугачев — не самая редкая фамилия.

Кстати, внешне они совершенно не похожи.

В Семипалатинске Пугачев женился во второй раз: первой супруге не слишком приглянулось тоскливая жизнь в зоне с постоянным ядерным излучением. Там же родился сын Владислав. Алле удалось увести с полигона маленького Артема. Она пыталась вывезти и брата, но безуспешно. Дальнейшей судьбой Евгения во многом опять-таки распорядился случай, который подчас — особенно в России — сильнее самого высокого покровительства. Как-то к ним на полигон прибыл с проверкой полковник из столицы. Он узнал, что Пугачев тоже москвич, обрадовался, и по этому поводу они вдвоем очень хорошо «посидели». А через полтора месяца Жене пришел вызов из Москвы. «Горда ведь все такие вопросы решались за стаканом», — философски заметил Евгений Борисович.

Потом были спецоперации в Афганистане, где наш «отраченный контингент» уже оказывал «братскую помощь». Пугачев до сих пор отказывается рассказывать, что ему пришлось там делать, когда вместе с бригадой спецназа его на несколько дней забрасывали в горы.

«Меня всегда очень поддерживал отец, — вспоминал Евгений Борисович. — Однажды я вернулся из такой спецкомандировки. Отец обнял меня, спросил: «Все в порядке?» — «Все в порядке», — ответил я. Только он один и понял, где я был. Что делал».

Потом офицер связи Пугачев был взят на работу в некое военное управление, связанное с правительством.

«Вот где я увидел красивую жизнь. Вокруг меня уже не было офицеров в потропанных комбинезонах... Все были чьи-то сыновьями и племянниками».

В задачу Евгения Борисовича, среди прочих, теперь входило обеспечение средствами охраны и сигнализации дач Горбачева, Рыжкова, Язова.

«Очень меня веселило, как строили дачу Моисеева — бывшего начальника Генштаба. Построили, приезжает его жена, осматривает все и говорит: «Так, солнце будет всходить отсюда, куда выходит окно. Значит, будет будить нас рано. Переделать». Приезжает в следующий раз: «Теперь окно смотрит в лес. Значит, будет постоянная тень, сырость, комары. Переделать». И так еще несколько раз».

В 1994 году Пугачев вышел в отставку в чине полковника. Сорок четыре года — возраст уж никак не пенсионный, но,

как объясняет он сам, дальнейшая служба стала для него непосильна по состоянию здоровья: семь лет в поле интенсивного излучения дали о себе знать.

Но на офицерское посьбие Евгений Борисович жить не захотел, тем более что один растил двух сыновей: его вторая супруга преисполнилась внезапного «свободомыслия». Отставной полковник попробовал себя в качестве телохранителя, но потом отказался от этой хоть и хорошо оплачиваемой, но ненормированной работы. Алла как-то сказала, что могла бы предложить ему работу у себя, «но ты ведь привык слушаться приказов начальства, а не сестры».

...В конце февраля 2008 года «скорая» доставила Евгения Пугачева в городскую больницу с инфарктом миокарда. Туда же через пару часов приехала его сестра. Она недолго пробыла в палате брата, потом поговорила с врачом. Просила звонить в любое время. Больницу покинула заплаканной, что не преминули отметить заботливые журналисты.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*в которой у героини появляется пианино,
она мучается из-за своей внешности
и в довершение ко всему пытается
сбежать на Кубу*

Алле было пять лет, когда Зинаида Архиповна пригласила для нее учительницу музыки. Трофейное пианино «Zimmetman» дождалось своего часа.

«Аллой Пугачевой ее сделала мама!» — утверждал брат певички Евгений Борисович. В интервью газете «Молодежь Эстонии» в 1976 году сама Пугачева лирично повествовала: «Мне было пять лет, когда в нашу квартиру привезли пианино. Черное такое. Большое. И строгое. Как палин выходной костюм. Я вначале побаивалась его. Держалась подальше. Но любопытство взяло вверх. Приблизилась, открыла крышку и... зажмурившись, коснулась одной из таинственных клавиш. Раздался звук, и совсем нестрогий. Вскоре мы подружились».

В семь лет Аллу уже отдали в музыкальную школу при училище имени Ипполитова-Иванова, а Женю — на фигурное катание. Зинаида Архиповна только и успевала отвести-забрать одну, потом — другого.

Когда девочка садилась за фортепьяно, Зинаида Архиповна выкладывала на полированную крышку инструмента десять спичек. Алла должна была сыграть одно и то же упражнение или пьесу десять раз, перекладывая по одной спичке

справа налево. Самое интересное, что мама не стояла рядом и не проверяла, точно ли следует дочь ее указаниям. Алла могла ведь вместо одной спички переложить сразу две, а то и три, облетчив свою участь. Но она никогда так не делала.

Правда, иной раз, когда ребята с улицы уже по пятому разу кричали снизу «Алка, выходи!», она пыталась тихонько улизнуть, но непреклонная Зинаида Архиповна гоняла неразумную дочь по всей квартире, стегая полотенцем по худенькой спине.

Когда Борис Михайлович приходил с работы и видел свою измученную Аллу — так он называл дочь — за инструментом, то начинал возмущаться:

— Все! Хватит! Она не будет музыкантом! Она станет обычной официанткой! Официанткой!

Но быстро успокаивался.

У Пугачевых постоянно бывали гости. Мама обязательно просила Аллу что-нибудь сыграть. Та усаживалась за пианино, шуршала ногами. Чаще всего она прилежно исполняла шеманский полонез Огинского, культовое произведение советского народа.

Зинаида Архиповна сама чуть-чуть играла. В дни семейных праздников она пела свой любимый романс в вальсовом ритме — «Осенние листья». Музыка Бориса Мокроусова, слова Марка Лисянского.

Спустя десятилетия, когда уже и мамы не будет в живых, Пугачева запишет эту песню для телевизионного шоу «Старые песни о главном»:

*Осенние листья шумят и шумят в саду,
Знакомой тропой я рядом с тобой иду.
И счастливы лишь ты,
В ком сердце поет,
С кем рядом любимый идет...*

Пугачевы стали в своем доме первыми счастливыми обладателями телевизора. Это был чудо-прибор под названием «Ленинград Т2» — с миниатюрным экраном, перед которым ставилась специальная линза для увеличения изображения. Если посмотреть на линзу под углом (допустим, сбоку), то картинка на экране приобретала комический характер — вроде отражений в комнате смеха.

Для вечернего просмотра телевизора собирались чуть ли не все соседи — похожую ситуацию изобразил Никита Михалков

в «Пяти вечерах». Пугачевы никому не отказывали в этом удовольствии, несмотря на тесноту.

То ли из-за постоянного разглядывания нотных значков при тусклом свете, то ли из-за послевоенной скудной еды у Аллы стало ухудшаться зрение. (Кстати, к полезным фруктам у нее на всю жизнь останется почти равнодушное отношение, даже когда появится возможность поглощать их в любом количестве.) Зинаида Архиповна отвела дочь к окулисту — тот прописал очки. Мама сходила в оптику, заказала первую попавшуюся оправу. Когда Алла увидела эти круглые черные очки, как у старушки-почтальонши, то заплакала. Но мама велела не валить дурака и носить их.

«Я, конечно, не знала, что буду артисткой, — скажет потом в одном из интервью Пугачева. — И, наверное, из-за того, что я даже об этом и не мечтала, как-то воображала себя ею. Внешность была — да, уникальная... Рыжая, очки круглые, коса-сеledка... Ужас, ужас. И все равно казалось... И это мне давало возможность быть лидером в классе. В кого-то могли влюбиться, они были красивее, все это знали. Были усидчивее. Но я была лидером. Была круглой отличницей. Мне сидеть за партой было не так интересно, как отвечать урок. Потому что я вставала лицом к классу. Это был для меня зрительный зал. И если я не знала чего-то — это было для меня просто ужасно. Как забыть слова на сцене. И все равно, если бы я даже поскользнулась и упала бы перед всем классом, я сказала бы "Ап!". Потому что мне нельзя было иначе. Все знали, что я могу выкрутиться из любого положения. Я всегда всё знала. И только иногда я специально не выучивала урок. Нельзя же всегда положительным героем выходить: я чувствовала, что это может наскучить классу» (журнал «Алла», № 5, 1995).

Алла училась в 496-й школе, которая находилась в Лавровом переулке, как раз рядом с Воронцовскими банями. Школа была новой и открылась именно тогда, когда наша героиня пошла в первый класс — в 1956 году (сейчас это пятиэтажное здание занимает Центр детского творчества). Класс Пугачевой был большим и, что называется, трудным. «Мы все время качали права», — говорили одноклассники Аллы. Сама она тоже нередко проявляла строптивость, несмотря на регулярные нагоняи от Зинаиды Архиповны. Правда, за активность Аллу как-то выбрали старостой класса. Ее ценили в школе за музыкальное образование. Старшеклассники звали Пугачеву на свои вечера, чтобы она аккомпанировала их выступлением. Понятно, какую зависть это обстоятельство вызывало у девчонок из ее класса. Она с жоду подбирала мелодии любых песен,

но на публике сама петь не решалась. Отчасти и потому, что стеснялась щели между передними зубами. Поэтому общаясь с мальчиками, улыбалась несколько неестественно, прикрывая верхней губой свой «недостаток».

«Во дворе Алла тоже всегда была заводилой, — вспоминал Евгений Борисович Пугачев. — Я-то был маленьким сыном, а она, наоборот, всегда общалась с местной шпаной». В районе Крестынки на местную молодежь наводил страх парень по кличке Джага. (В молодежном журнале тут уместна была бы шутка про то, что Россия — родина регги, и дальнейшее дымное развитие этой темы, но это не наш жанр.) Кроме неприятной внешности Джага славился еще и как обладатель «финки», финского ножа, вослeтoгo всей блатной лирикой. Но даже с вооруженным Джагой Алла разговаривала достаточно дерзко. Возможно, после этих диалогов у нее дрожали руки-ноги, но своей смелостью она всех поражала. Не зря ее любимым писателем в детстве был Аркадий Гайдар.

За крутой нрав Пугачевой в округе было присвоено прозвище «фельдфебель». Когда кто-то из дворовых мальчишек отпустил дурацкую шутку насчет одноглазого Бориса Михайловича, Алла подошла к нему и негромко произнесла сквозь зубы: «Ну, теперь ты узнаешь, как жить без глаза...» Размахнулась и что есть силы ударила по лицу обидчика ее отца. С тех пор тот старался больше не сталкиваться с «этой поизничкой Пугачевой».

Как все девушки шестидесятых, она была чуточку влюблена в актера Олега Стриженова, из актрис ей нравились Одри Хепбёрн и Джина Лоллобриджида. Алла обменивалась с подружками открытками, фотографиями кумиров. Как все девушки всех времен, она вела дневник. Потом в момент какой-то мимолетной печали передала его огню. Вряд ли стоит сожалеть об утраченных письменах, выведенных быстрым и гладким почерком Пугачевой в нежном возрасте: с точки зрения истории культуры они ценности не представляли. Такие дневники — всего лишь рукописная «кардиограмма» момента.

До старших классов, в свободное от музыки и прогулок время, Алла придумывала модели платьев. Она рисовала их на бумаге — очень старательно, цветными карандашами, тщательно изображая каждую сборку. И все это тоже пропало, в 1956 в противном случае Валентин Юдашкин получил бы немало источников для вдохновения.

Сама Пугачева не раз рассказывала, что в подростковом возрасте у нее открылась вдруг странная аллергия — на цвета одежды. Просто буквально цветобоязнь.

«Я ничего не могла надеть, кроме черного. Это было ужасно. Школьная форма меня как-то спасала. Но не та, которая продавалась в магазинах. Приходилось подыскивать какой-то специальный материал и шить у портнихи. Каждый лоскуток проверяли — нет ли у меня на него аллергии. Как правило, от зеленого, красного, голубого меня начинало трясти. Надену платье, пять минут похожу — и впадаю в полубоморочное состояние, голова холодным потом покрывается.

Сколько врачей вызывали! Они заявляли, что это, конечно, аллергия, но какая — непонятно. Я все время говорила: «Мама, вот если б можно было стать знаменитой и поехать в другую страну, хоть на край света, чтобы вылезтишь, как бы я была счастлива». Мама плакала и отвечала: «Ничего, девочка. Можно и из черного кофточку сделать!» И стала свои черные вещички носить так, чтобы все думали, будто у меня полно нарядов, но я их просто не хочу надевать. Учителя спрашивали: «Что ж ты на вечер в такой одежде пришла?» Знали, что у меня родители достаточно обеспеченные. Так я еще порву на себе что-нибудь нарочно. Пусть все думают, какая же неряха, ведь может прилично одеться, а вон что на себя нацепила. Это была первая и самая сложная роль в моей жизни — изображать взбалмошную, счастливую и богатую...»

Вряд ли выстраивание такого образа было глубоко продуманным. Хотя, что касается «взбалмошности», тут многие современники соглашались. Вера Александровна Петровская, классная руководительница героини, припомнила историю: «Она с мамой Зинаидой Архиповой что-то не поделила. Ну, не то что не поделила... То ли домой вовремя не пришла, то ли что... Мама как-то ее за это ущемила. И Алла в знак протеста ушла из дома. Для мамы, которая за ней всегда следила, это был серьезный удар. На следующий день Зинаида Архиповна прибежала в школу. Спрашивала у ребят, где Алла. Я ходила к ним домой, устокаивала ее. А потом Алла нашлась. Как выяснилось, она чуть ли не в подьезде всю ночь сидела. Алла вообще была с характером девочка».

(Кстати, Вера Александровна — мама Ирины Петровской, известной журналистки и телекритика.)

Одноклассница и подружка Аллы Елена Белова описывала не менее увлекательные истории: «По вечерам мы ходили вместе гулять по набережной. Бывало, какие-то мальчишки начинали к нам приставать. Это, конечно, было не то, что сейчас. Но мы тем не менее опасались. И когда такая шайка нас надвигалась, мы выпускали вперед Алку. Она ставила вольсы дыбом, делала дебильное выражение лица, начинала хромать, сама подходила к ним и дурным голосом спрашива-

ла, сколько времени или как пройти в библиотеку. Мальчишки в ужасе парохались от нее. Это был целый концертный номер. Она доводила нас просто до истерики. А Ленка однажды от смеха даже описалась. Еще мне запомнилось, как на переменах Алка нам рассказывала, где она родилась. Один раз она родилась в Америке, другой раз — где-то еще. Мы знали, что это неправда. Но не слушать ее было невозможно».

Остановись, мгновенье! Пожалуй, это самая ранняя датировка пугачевских фангазий. Пока лишь спонтанное, трогательное девичье привирание. От «крестьянской» Америки до космоса с его сигналами пройдет несколько эпох. Но первые поэтические раздались тогда, в школьных коридорах, где разносился запах кислых щей.

* * *

Лет с двенадцати она начала писать стихи и песни. Было у нее, например, такое трогательное произведение:

Я встретила его в школе музыкальной.
Держал в руках он скрипку и смычок...

Мелодия этой песенки подозрительно напоминала романс «Я встретил вас», но это Аллу не сильно смущало.

Еще одна ее песня повествовала о некоей романтической девушке: «А в нашем подьезде Ассоль живет...» Непростые, драматические отношения с окружающим миром складывались у этого персонажа. Хоть она и была Ассоль, но все называли ее просто Аня... Что ж — потенциальный подростковый хит.

Родители принесли домой пластинки — Утесова, Шульженко, Эллу Фицджеральд, все, чем была богата фирма «Мелодия». Однажды кто-то дал Алле послушать пластинку французской певицы. Алла сначала даже не прочла толком, как произносится ее имя. Завела трескучий черный диск и обомлела. Женщина вибрирующим прокурренным голосом пела: «Non je ne regrette rien...»

«Эдит Piaф» — прочитала Алла, поднеся к глазам обложку — «Я ни о чем не жалею».

Скорее всего, это была пластинка, выпущенная в Москве в середине 1960-х: песни Piaф перемежались рассказами о ней Натальи Кончаловской (жены Сергея Михалкова, мамы Никиты и Андроана).

Интересно другое. В 1997 году, когда Пугачева будет готовиться к конкурсу «Евровидение», она запишет три варианта песни «Примадонна» — на русском, английском и французском. Последний почти никто не слышал. Но именно благо-

даря французской версии можно ощутить буквально генетическую связь двух могучих «П».

В интервью журналу «Советская жизнь» в 1977 году Пугачева сказала: «...Идеалом для меня была и остается Эдит Piaф... Слушая ее песни, я постоянно ловлю себя на ощущениях, что это моя мать, — настолько я понимаю, что она делает, что она хочет сказать, мне это так близко, что просто мороз по коже...»

* * *

Алле было четырнадцать лет, когда Борис Михайлович посадил на три года за хозяйственные злоупотребления. Это случилось в расцвет эпохи Хрущева, когда власти вдруг рьяно принялись чистить ряды хозяйственников.

Борис Михайлович был тогда директором по сбыту Талдомской обувной фабрики. Все детство Аллу сопровождали терпкие запахи кожи: отец то и дело приносил с фабрики какие-то кусочки. К нему приходили сослуживцы, они раскладывали эти куски на столе и о чем-то подолгу говорили. Зинаида Архиповна только успевала подносить им чай.

Часто Борис Михайлович отдавал дочке совсем мелкие обрезки, которые она вертела, рассматривала, примеряла к куколкам, к своим немногочисленным платьицам. Но обувная кожа была слишком груба, поэтому она просто аккуратно складывала все это богатство в коробочку, где и забывала надолго.

Однажды папа вручил ей кусочки очень мягкой кожи. Аллочка обрадовалась, а Борис Михайлович сказал: «Это лайка!» Девочка убежала к себе в комнату, сжав в кулачке подаренные куски. Она рыдала над ними: зачем резали собачку лайку? Они же хорошие: людей на Севере возят, в космос летают. Борис Михайлович смеялся и весь вечер пытался доказать Алене, что собачку никто не убивал.

..И теперь папу, ее веселого папу посадили в тюрьму!

Когда милиционеры ушли, оставив на полу разбросанные книги, бумаги, одежду и унеся с собой несколько вещей Бориса Михайловича, Алла спросила заплаканную маму:

— За что папу забрали?

— Ох, доченька... Он... Он нарвал цветы в чужом саду...

Что действительно натворил директор по сбыту — сейчас восстановить очень сложно. Похоже, и сама Пугачева этого не знает до сих пор.

Теперь, после ареста мужа и «конфискации имущества», Зинаиде Архиповне пришлось срочно искать работу, благо дети уже подросли и не требовали поминутного внимания. В школьном журнале Аллы за восьмой класс, который автору

удалось разыскать в Объединенном архиве учреждений народного образования Москвы, в графе «Род занятий и место работы родителей» значится следующее — «Универмаг № 41, зам. зав. отдела готового платья». Про отца — ничего.

Тут позволил себе сделать отступление. Образовательный архив близ Таганки стал той *terra incognita*, которую автор с нападением открывал. Архивные тетушки, не избалованные вниманием прессы, глядели совсем не чопорно и с удивительным интересом разыскивать ветхие классные журналы и даже следы копии заветных страниц. Но, упомянув в книге это учреждение, автор невольно открыл путь в сокровищницу для всех. В архив потянулись журналисты в поисках утраченного времени звезд эстрады и кино. Когда спустя несколько лет автор оказался там, работая над биографией другого персонажа, тетушки встретили уже совсем неласково:

— Вот вы тут ходите, а потом нас же ругают! Не будем ничего давать, только по особому разрешению!

* * *

Для всех соседей, приятелей, одноклассников существовала лишь одна версия затянувшегося отсутствия папы: он в длительной командировке.

...Вместо положенных трех лет Борис Михайлович отбыл в исправительной колонии полтора года. Его амнистировали с формулировкой — «за примерное поведение». На самом деле преследования хозяйственников незаметно для общественности признали ошибочными и просто пытались по мере возможности дать «задний ход».

Можно сказать, что Пугачеву повезло. Достаточно вспомнить самое громкое дело начала 1960-х — валютчиков Рокотова и Файбищенко. Да, они не были хозяйственниками, расстреляли их просто за хранение валюты.

А Бориса Михайловича даже восстановили в партии.

Алла уже достигла шестнадцатилетия, но все еще продолжала носить свою ненавистную косу-селедку. Зинаида Архиповна и слышать ничего не хотела о каких-то там стрижках, укладках, прическах.

Мама и бабушка вообще долгое время вполне искренне не замечали Аллиного взросления. Зимой, когда за ней заходил кто-то из ребят, чтобы пойти в кино, бабушка могла громко крикнуть из кухни:

— Алла, а ты теплые штаны под платье надела?

Первый «Пугачевский бунт» случился осенью 1962 года. В разгаре был Карибский кризис, на Кубе размещались совет-

ловичу здесь сразу понравилась, и он решил узнать, нельзя ли снять на лето дом для семьи. Опять-таки и рыбалка под рукой. Вернувшись поздно вечером домой, он сообщил жене, что с дачей все «аляфулом» и надо скорей сказать теще, чтобы готовилась к отъезду с внуками.

С тех пор до самого 1966 года Аллу с Женей под присмотром Александры Кондратьевны родители отправляли на все лето в Новоалександровский. Жилье снимали у местных тети Кати и дяди Семена — те растили сразу трех дочерей. (По иронии судьбы, после того как Борису Михайловичу объявят приговор, его отправят на исправительные работы в город Долгопрудный, что всего в пяти километрах от дачи.)

Александра Кондратьевна очень быстро освоилась в поселке, и все «аборигены» почитали ее за местную. При этом бабушка прославилась на всю округу своей житейской мудростью, и потому чуть ли не каждый день кто-нибудь из сельчан приходил к ней за советом. Александра Кондратьевна с удовольствием высказывала свои суждения по любым вопросам, включая Карибский кризис.

Вместе с Аллой из дома на грузовике приезжало и пианино «Циммерман», каникулы каникулами, говорила мама, но музыка отдыхать не может.

В самом начале лета почти никого из дачников еще не было. Алла с Женей томилась ожиданием, с хохотом вспоминая забавы прошлого года. Они бродили по поселку и вызнавали, когда должен приехать Димка, когда Ленка... Ни с кем из здешних ребят они в Москве не виделись, это были «люди из лета», как окрестит их сама Пугачева.

Впрочем, даже когда собиралась вся их летняя компания, Алле не дозволялось слишком беззаботно проводить время. Каждый день не меньше трех часов она должна была отработывать за фортельяно.

«Бабушка держала меня в черном теле, — спустя много лет будет вспоминать Пугачева. — Все шли на танцы, а мне это запреталось».

Но сдерживать эмоции Аллы постоянно было невозможно. Отыграв Шопена и Чайковского, она выбегала на улицу к ребятам, которые приветствовали ее очередное обретение свободы восторженными криками. Они неслись к водохранилищу, пристани Троицкой. Там были пляж, «зона отдыха» и маленькая эстрада-«ракушка», некогда возведенная здесь как лишнее доказательство «культурной революции» на селе. Алла высказывала на ветхую сцену и дурашливым голосом объявляла начало представления: «Сейчас вы увидите театр... Театр Аллы Пугачевой!» Ребята с хохотом носились вокруг

ские ядерные ракеты, чем Америка была весьма недовольна. Словом, мир стоял на пороге третьей мировой войны. Вмешаться в глобальный конфликт решила Алла Пугачева, которой было тринадцать лет. Вместе с одноклассником Володей Штерном они задумали бежать на Кубу. Сперва им предстояло добраться до Ленинграда, а там сесть на корабль и плыть к Фиделю Кастро.

До Кубы они не доехали совсем чуть-чуть: высадили в Бологом и отправили домой.

А кризис между тем благополучно разрешился. ...Как-то всем семейством Пугачевы отправились в гости к маминной подруге — тете Люде. Последняя была женщиной «современных взглядов», что иногда приводило к легким разговорам между ней и Зинаидой Архиповной.

В тот вечер Алла весь вечер перешептывалась и перемигивалась с тетей Людой и ее дочерью (последнюю, кстати, тоже звали Аллой, и все близкие, чтобы не путаться, с младенчества именовали девочек по отчеству — Аллой Борисовной и Аллой Владимировной). Наконец они заперлись в комнате. Никто особенно не обратил на это внимание — родители знали, что Алла любит посекретничать с Людмилой.

Минут через двадцать Алла тихо выскользнула из комнаты. Косы у нее не было.

Зинаида Архиповна охнула и схватилась за сердце:

— Алла! Да как же это можно? Да ведь я... Да как же...

— Зина! Зина! Не волнуйся ты! — затараторила тети Люда. — К девчонке уже ребята ходят, а она все с косой, как первокурсница! Ну посмотри, как ей хорошо с короткой стрижкой! Но горе мамы было неполадельным.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

летняя, в которой героиня проявляет чудеса стихийного артистизма на лоне подмосковной природы

Весной 1952 года Борис Михайлович с двоюродным братом, у которого имелся старенький мотоцикл, по каким-то делам поехали по Дмитровскому шоссе в Подмосковье. Там они то ли приняли лишнего на природе, то ли просто заплутали, но вдруг обнаружили, что катят по неведомой лесной дорожке. Вместо испуга их охватил азарт: куда это мы так примчимся?

Примчались они в поселок Новоалександровский, что раскинулся близ Клязьминского водохранилища. Борису Михай-

эстрады, изображая неистовую толпу поклонников: «Алка! Давай! Еще покажи Шульженко!» И она показывала — Шульженко, Бернеса, еще бог знает кого.

«Алла была у нас самой главной заводилой и выдумщицей, — рассказывал Евгений Борисович Пугачев. — Однажды она чем-то вымазала лицо, обернулась белой простыней, слезла из какого-то полотнца чалму и так ходила по поселку. Люди присматривались и спрашивали друг друга: «Это что? Индус у нас, что ли, какой завелся?»»

Спустя двадцать с лишним лет, в 1984 году, накануне больших сольных концертов в «Олимпийском» Пугачева с друзьями приедет на полдня в Новоалександровский. Вот что пишет об этом мимолетном эпизоде Илья Резник в своей книге «Алла Пугачева и другие»:

« — Аллочка, ну же! Это ты? — на пороге дачной комнаты стояла высокая грузная женщина — тетя Катя, как выяснилось потом.

Зашли в домик.

— А где дядя Семен? — спросила Алла.

— Шашлычную сторожит. Оба мы там... Так вот, Аллочка. И последовал рассказ тети Кати о дочерях, внуках, соседях,

отородах, пристройках и т. д.

— А ты совсем не изменилась, Аллочка!

Огромный рыжий кот вполз на кушетку.

— А он тоже тогда был? — поинтересовалась бывшая дачница.

— Нет, это другой...

Пришел дядя Семен, восьмидесятилетний благообразный старец. Узнал Аллу. Сдержанно порадовался. Отвернулся. Смахнул слезу.

— Мы вас в кино снимем! Хорошо, тетя Катя?..

— А что? Снимай! Я про тебя все расскажу. Давно ведь знаю».

Как и предполагается в пору дачного сезона, у Аллы, когда ей было лет четырнадцать, завелся летний роман. Это был высокий симпатичный парень Дима Страусов, студент МАИ, отличник. Его отец, кандидат наук, преподавал в том же МАИ на кафедре теоретической радиотехники. Словом, Дима был фигурой положительной во всех смыслах, что располагало к нему даже привередливую Александру Кондратьевну. Отношения Аллы с Димой были, конечно, вполне целомудренными и ограничивались робкими прикосновениями в темных аллеях.

Зато именно со Страусовым Алла учинила один феерический розыгрыш. О нем со смехом вспоминал брат Пугачевой:

«Я на несколько дней уезжал по делам в Москву. А когда возвращался, то на обратном пути встретил Аллу с подружками. «Никто не видел, что ты приехал?» — тут же спросила Алла. «Нет», — говорю. Сестра ужасно обрадовалась и сказала, что сейчас мы тут устроим целый спектакль.

Незадолго до этого я упал с велосипеда, и у меня были выбиты передние зубы. Тогда они сделали мне из белого пластилина, на голову прицепили мочалку — вроде бы волосы, сверху — косынку, на которую прикололи брешь с камушками. Я надел туфли (размер у нас тогда был с Аллой одинаковый) и какое-то платье. Под платье мне еще запихали полотенце — так что получилось что-то вроде груди.

Меня спрятали на даче у нашего дяди, которая была километрах в двух от нас. Ближе к вечеру девчонки пришли за мной, и вместе с ними я в таком виде дефилировал по деревне. Все сразу стали спрашивать, что это за девица такая? Им отвечали, что это Неля, Алкина подруга.

Вечером я захожу во двор к Диме Страусову:

— Здравствуй, а Дима дома?

— Дима! — кричат ему. — Это к тебе.

Он вышел, и я обращаюсь к нему измененным голосом:

— Здравствуй, ты меня не узнаешь?

— Нет.

— А я Неля. К тебе приехала.

Минут пять мы так с ним еще пообщались. Потом мне это надоело, и уже своим нормальным голосом я говорю:

— Жаль, Дима, что ты меня не узнаешь.

— Это ты, Женька, что ли? — засмеялся он.

Тут уже вышла Алла, и мы договорились, что я буду с Димой «тулять».

А у нас на окраине поселка было место со скамейкой, где мы все тусовались. И вот я прохаживаюсь там с Димой, он меня нежно за плечо обнимает... Так мы гуляли два вечера.

Был там один парень, Андрюшка по кличке «дистрофик», он прибежал к ребятам и сказал, что Страусов гуляет с какой-то девкой, у которой во лбу звезда горит — это он имел в виду мою брешьку на косынке. Скоро неподалеку появились ребята на велосипедах — они ездили и высматривали, кто это такая со Страусовым.

На третий вечер Дима мне сообщает: «Не волнуйся, тебя сегодня насилуют будут». Оказывается, их «натравила» на меня Алла, которая сказала, что какая-то нахапка отбила у нее парня.

И вот мы идем — на повороте стоят человек двенадцать. Одни отозвали Диму якобы по делу, а другие схватили меня и куда-то потащили. Я отбрыкиваюсь, кричу:

— Ребята, да вы что? Я, может, еще удивить вас хочу.

— О, давай, удивляй! — заорали они.

Тут я эту косынку снимаю вместе с мочалкой.

Сначала была просто настоящая немая сцена. А потом мы все хохотали как сумасшедшие. Алла, конечно, радовалась больше всех».

В первой половине шестидесятых, когда в домах уже стали появляться большие катушечные магнитофоны, кто-то брал их с собой на дачу. Вечерами из дома протягивали провод, ставили магнитофон на табуретку посреди ближайшей полянки и устраивали танцы.

«Жил да был черный кот за углом...»

Когда совсем темнело, Александра Кондратьевна выходила на крыльцо и кричала: «Алла! Жени! Домой!»

...Бабушка умерла в 1966 году. Заснула на кухне, на своей раскладушке, и не проснулась.

Алле потом всю жизнь будет часто снится дорога в поселок ее детства и тот поворот, откуда уже был виден их дом.